

Михаил Шишкин и роман в письмах влюбленных | Mikhaïl Chichkine parle de son roman épistolaire d'amour

Author: Людмила Клот, [Женева](#) , 03.11.2010.

Толмач не верит историям беженцев, но жалеет всех (© Екатерина Измestьева)

С настоящим писателем можно поговорить обо всем на свете: о разных странах - в которых мы жили раньше, живем сейчас и обязательно еще побываем, о тинейджерах и студентах, о книгах и мультфильмах, о депрессии, узнать, что такое жизнь писателя в 50 лет и наконец, что можно противопоставить смерти.

Avec un vrai écrivain on peut parler de tout: des pays différents où on vivait, on vit et on vivra encore; des ados et des étudiants; des livres et des dessins animés; enfin, de la dépression et de ce qu'on pourrait opposer à la mort.

Mikhaïl Chichkine parle de son roman épistolaire d'amour

Михаил Шишкин - русский писатель. Родился 18 января 1961 года в Москве. Окончил романо-германский факультет Московского государственного педагогического института (1982). Работал три года в журнале «Ровесник», затем 10 лет школьным учителем (в физико-математической школе № 444 города Москвы, где преподавал немецкий и английский языки). С 1995 года живет в Швейцарии.

Публикуется с 1993 г. (рассказ «Урок каллиграфии» в журнале «Знамя»). Автор романов «Всех ожидает одна ночь» (1994), «Взятие Измаила» (2000, «Букеровская премия»), «Венерин волос» (2005, премия «Национальный бестселлер», премия «Большая книга»), литературно-исторического путеводителя «Русская Швейцария» (1999, премия кантона Цюрих). По-немецки Шишкин написал книгу эссеистики «Монтрё-Миссолунги-Астапово: По следам Байрона и Толстого» (2002); после выхода в 2005 г. перевода этой книги на французский язык она была награждена во Франции премией за лучшую иностранную книгу года (в номинации «Эссе»).

И наконец, роман «Письмовник» вышел в 2010 году в издательстве АСТ. Это стало поводом, чтобы увидиться с читателями в Швейцарии - в начале ноября Михаил Шишкин проведет три творческих вечера - в Цюрихе, Базеле и Женеве. А мы с удовольствием приветствуем писателя на наших страницах.

Наша Газета.ch: Михаил, за 15 лет все уже привыкли, что Вы - русский писатель, живущий в Швейцарии, а частично во всем мире: например, последний роман «Письмовник» писался Вами на двух континентах. Как я прочла, роман был создан за год, Вы получили стипендию и жили под Берлином на Ванзее, где и написали первую часть романа, а затем преподавали в Америке, там появилась вторая часть. Так ли все это было?

В аэропорту Франкфурта (фото из архива Михаила Шишкина)

Михаил Шишкин: Ну вот, Вы все уже знаете. Но это ведь тот самый ахматовский сор, из которого «растут стихи, не ведая стыда». Мне, например, как читателю, совершенно не важно, где и на что жил автор, пока писал книгу. Мне важно только, произойдет чудо чтения или нет. Сумеет автор открыть мне что-то важное во мне самом? Поделится он со мной в неуютный вечер нездешним теплом и светом? Напомнит мне, что мы живем не в мире, где человека на каждом шагу унижают и опускают несправедливость, хамство, жестокость, войны, болезни, смерть, а на Божьем свете? И, читая книгу, я снова испытаю это удивительное радостное чувство - как пронзительна жизнь! Это та книга, которую я хотел бы прочитать. И та, которую я хотел написать.

С чем столкнется читатель в Вашем новом романе «Письмовник»?

С первой любовью, потерянной пилоткой, кефирными усиками, попом Иваном, приключениями полярного летчика, походом на Пекин, учителем зоологии по кличке Тювик, зимней слонихой и снегопадом, который превращает все в одно целое: «То

каждый на свете жил сам по себе, а теперь всякая скамейка и тумба, не говоря уже о почтовом ящике, понимает полноту и единство существования, не имеющего швов».

В «Письмовнике» два героя пишут друг другу письма - из разных миров, разных времен. Вроде бы, они любят друг друга и подробно рассказывают всю свою жизнь. При этом ни один «не слышит» другого. Значит ли это, что и между обычными людьми, несмотря на любовь и щедрую коммуникацию, нет понимания?

Обложка романа "Письмовник"

В обычной жизни люди чаще всего не понимают друг друга, даже если говорят на одном языке и делят одно ложе. А мои герои как раз слышат и чувствуют друг друга, несмотря на все, что разделяет людей - время, пространство, смерть. Настоящее понимание - это ведь не бытовая коммуникация. Это - подтверждение важности твоего существования любящим и любимым человеком. И если этого человека сейчас нет рядом - ты же все равно его чувствуешь. Все, что с тобой происходит, ему важно. И если вот такого, настоящего понимания нет, жить не хочется, да и не нужно. Роман - о том главном, настоящем человеческом понимании, для которого уже не преграда ни километры, ни годы.

Во всех Ваших интервью малейшие попытки «привязать» Вас к швейцарскому пейзажу пресекаются в зачатке. Хотя десять лет назад появилась книга, которую можно назвать своеобразным литературно-историческим путеводителем по стране «Русская Швейцария» (650 страниц текста, крайне интересного и полезного русскоязычному эмигранту и путешественнику). Но на этом Ваши счеты со Швейцарией, кажется, закончились. И все же - какой Вы видите эту страну?

Покажется странным, но на тех 650 страницах о Швейцарии практически ничего не сказано. Просто русские и в Альпах устраивали себе швейцарскую Россию. Смотрели на швейцарских тучных коров, а видели внутренним взором отечество, которое все время, все века нужно спасать. Все, что русские путешественники писали о Швейцарии, на самом деле было их мыслями о России. Смотрели в Гельвецию, как в зеркало, и удивлялись, почему это здесь все шиворот-навыворот! Или там, это с какой стороны посмотреть. Так что счеты с реальной Швейцарией я свел в другой книге, которой нет по-русски, я написал ее по-немецки, но существует французский перевод («Dans les Pas de Byron et Tolstoi»), который вышел в швейцарском издательстве Noir sur blanc. В ней я как раз попытался понять, что кроется за швейцарским чудом, почему здесь все «не по-людски»: войн не бывает, слабых не топчут, полицейские взяток не берут, и вообще, чем они лучше.

И как, удалось разобраться? Чем же они лучше?

Да ничем. Но мне, кажется, удалось подобраться к разгадке швейцарской загадки. Почитайте! Эта книга была замечена и даже получила в Париже премию «Le prix du meilleur livre étranger 2005 (essai)». Кстати, мой новый роман выйдет на французском тоже именно в этом издательстве, Noir sur blanc.

Судебным переводчиком в Цюрихе Вы больше не работаете - и про этот опыт тоже спрашивать поздно. Но в «Венерином волосе» есть такой персонаж

«толмач», он особенной симпатии не испытывает ни к беженцам, для которых переводит, ни к швейцарцам, решающим их судьбу. Какими Вы видите швейцарцев?

Обыкновенные люди, слабые, сильные, талантливые, тупые. Люди везде приспособляются к условиям выживания. Здесь, в Гельвеции, наиболее успешный способ выживания сводится к точному следованию всех установленных государством правил. На нашей родине – наоборот. Это от того, что природа государств у нас разная. Здесь – государство свое, созданное народом для себя. В России – государство, созданное изначально чужими для себя против местного населения. Поэтому здесь власть – своя, а в России всегда власть и

На фоне норвежского фьорда (из архива Михаила Шишкина)
народ друг другу чужие. Вспомните, как княгиня Ольга «от языка варяжска» устроила геноцид древлянам. Кстати, первая русская святая. И после нее со всеми остановками – через Ивана Грозного к Иосифу Виссарионовичу и чеченским зачисткам. А что касается толмача и симпатий, то о каких симпатиях вы говорите? Основная масса «беженцев» рассказывают не правду, а те истории, которые нужно рассказать, чтобы получить право на убежище. А швейцарские чиновники – это сначала функции, а потом только люди, сами знаете. Какие симпатии можно испытывать к функциям? А любить-то и жалеть людей хочется! В этом нерв романа.

Вас называют одним из самых успешных создателей интеллектуальной прозы. Откуда берется этот огромный пласт информации – исторической, литературной, технической, военной, медицинской, страноведческой и другой, которую мы находим в Ваших романах? Откуда он попадает в Вашу голову – из книг? Из личного опыта?

Настоящий писатель должен быть дотошным исследователем, а как же иначе? Как он сможет достоверно описать шхуну, на которой посылает своего героя в плавание в 18 веке, или визит к дантисту, когда работает над романом из времен fin du siècle, если до этого не протер штаны в библиотеке? Но пусть ты даже перепишешь себе в записные книжки все тома по всем областям знаний, созданные человечеством, этого будет для настоящей прозы совершенно недостаточно. Главное – это твой личный опыт приобретений и утрат. Это самое важное, это то, что читатель чувствует между строк. В настоящей книге важны не знания, которые можно при желании почерпнуть из специальных справочников, а человеческое тепло. И чем больше утрат ты пережил, тем важнее становится это тепло. По мере ухода близких людей меняются ценности – по молодости тебе кажется, что важно добиться признания, сделать карьеру, получить все премии мира, а потом становится так просто, так очевидно – все это не так важно. Гонка за тем, что считается престижным, ведет в пустоту. Эти простые идеи дорого даются – прожитыми годами и любимыми людьми, которые так ранимы и так быстро уходят.

В романах Вы довольно часто и совершенно душераздирающе пишете о смерти, о болезнях. Это литературный прием, или Вы действительно об этом нередко думаете, или считаете, что из этого состоит такая большая часть нашей жизни, что не стоит об этом забывать?

А Ваша жизнь из этого не состоит? Мы идем по жизни, как по длинному мосту – а он стоит на опорах. И вот эти опоры – главные события, на которых держится жизнь:

рождение, любовь, дети, болезни близких, смерти. Архитектор знает: в мосте главное – опоры. В моих книгах нет придуманных сюжетов. Мои герои проживают жизнь – для меня это сам по себе захватывающий сюжет. Но если в жизни жизнь заканчивается смертью, то проза, искусство – то пространство, которое может смерти что-то противопоставить.

Где и на какие языки были уже переведены Ваши романы? Как их встречают читатели на Западе? Отражают ли, на Ваш взгляд, переводы авторский текст?

Был сейчас в Японии, познакомился со своей будущей переводчицей. Японский будет уже 14-м языком. А вот 13-м по счету оказался турецкий. Все-таки есть что-то в плохих приметах! Я сразу удивился, что турецкое издательство купило права именно на «Взятие Измаила». Мои опасения вскоре подтвердились, это оказалось издательство, специализирующееся на военно-исторических публикациях. То-то они удивятся, когда прочитают перевод!..

На недавнем выступлении в Норвегии (© Екатерина Измestьева)

В разных странах книги воспринимаются по-разному. Не знаю, от чего это зависит. Может быть, от издательства? Ведь просто выпустить книгу недостаточно, нужно еще сделать так, чтобы ее прочитали. В Италии, например, небольшому издательству Voland edizioni это удалось. Меня без конца приглашают на книжные ярмарки и фестивали, мои книги получают премии. Например, за «Венерин волос» в Итальянском посольстве в Москве мне вручили престижную премию «Гринцане кавур», а в конце ноября снова поеду в Италию получать премию Пенне за «Записки Ларионова», которые вышли в прошлом году. А вот во Франции мои романы практически затерялись в огромном книжном потоке, который выпускает ежегодно одно из самых крупных парижских издательств Fayard.

Весной «Венерин волос» выйдет, наконец, на немецком, наиболее важном для меня языке, ведь я живу в немецкоязычном пространстве. Посмотрим, появится ли у меня там читатель. Я сам работал вместе с переводчиком Андреасом Третнером над переводом. Честно скажу, лучше, когда тебя переводят на китайский, чем на язык, который ты хорошо знаешь. Только теперь особенно остро осознаешь, как много теряется даже при самом блестящем переводе. Известно, что можно перевести книгу, но нельзя перевести читателя. Мой главный читатель был и останется русским.

О чем Вы читали лекции в Америке? Как студенты это воспринимали? Интересно ли было это Вам самому? Будут ли подобные лекции для студентов в университетах Швейцарии, ведь здесь каждый университет имеет кафедру славистики.

Уровень студентов в Америке, языковой и общекультурный, скажем политкорректно, не очень высокий, чтобы заниматься с ними углубленно какими-то тонкостями. Поэтому я придумал курс, который их и занимал, и развивал – как русская история 20 века отражалась в истории русской мультипликации. Мы смотрели мультики, начиная от дореволюционных, потом 20-е годы, 30-е и т.д., и обсуждали особенности русского национального сознания, менталитета, все зигзаги и выкрутасы прошлого чудовищного русского века, которые находили самое прямое отражение в

мультфильмах. К примеру, чего стоит только фильм Дзиги Вертова «Советские игрушки», где красноармейцы изображают рождественскую елку и вешают на ней попа и прочих классовых врагов!

А со швейцарскими университетами у меня как-то не складывается. Сказано: нет пророка в своем отечестве. Помню, когда-то увидел объявление, что в Цюрихе Славянский семинар ищет преподавателя русского языка. Обрадовался. Это ведь именно то, чем всю жизнь, помимо прочего, занимался и в Москве, и здесь – преподавал русский для иностранцев. Но рано обрадовался. Зачем им писатель Шишкин? Им и без него хорошо!

Снаружи Вы кажетесь очень успешным человеком: талант, причем постоянно развивающийся, абсолютное литературное признание, возможность выбирать местом жительства любой город мира, свобода от «службы» - казалось бы, можно лишь позавидовать. Насколько этот портрет соответствует Вашему внутреннему мироощущению?

Иногда соответствует. Иногда совсем нет. После «Венериного волоса» был долгий период пустоты и депрессий. Казалось, что новая книга никогда больше не придет. А если ты сам про себя знаешь, что ты больше не писатель, что ты кончился, как кассета в принтере, и тебя можно выбросить на помойку, то не поможет никакое признание. В такие бесконечные ночи понимаешь, что имел в виду Шекспир, когда писал «time is out of joint». А потом пришел «Письмовник» и вправил время, как вывихнутый сустав.

Вы - отец мальчика-подростка, ставшего причиной Вашей эмиграции. Писательские дети должны быть интереснейшими созданиями, вспомним Дину Рубину, как она с юмором рассказывает о своих «русско-израильских» отпрысках. Расскажите о Вашем сыне: где он живет, чем занимается, какая связь у него с швейцарской и какая - с русской культурой? Читает ли он на русском языке и что?

С сыном Костей в Барселоне (из семейного архива)

Ну, не эмиграция это. Эмигранты остались в прошлом веке. Эмиграция – это невозможность вернуться, это окончательный разрыв с прошлым. В России я в последнее время провожу больше времени, чем в Швейцарии. Вот был в связи с выходом романа. Теперь еду в Москву встречаться с Олегом Павловичем Табаковым, он хочет поставить «Письмовник» на сцене своего Чеховского МХАТа.

А Костя мой – швейцарский тинэйджер со всеми вытекающими. По-русски говорит, но не очень читает. В гимназии выбрал профиль «экономика и право», чем несказанно порадовал отца. Открытый, любознательный, прочный. В шахматы меня уже обыгрывает. Это когда мечтаешь о ребенке, представляешь себе, как он будет шпарить «20 сонетов к Марии Стюарт» наизусть. А реальный ребенок рождается, растет, и понимаешь – ты просто любишь сына.

Вам в будущем году исполняется 50 лет. Ощущается ли к этому возрасту некая жизненная или литературная зрелость, или, наоборот, юность, или же, по Вашему мнению, писатель в категории возраста не рассматривается?

В 16 я знал, что я - писатель. Но объяснить это кому-то было невозможно. И не только потому, что я тогда еще ничего не написал. И доказать, что ты – писатель, можно только всей своей жизнью. И вот всю жизнь тратишь на то, чтобы это им доказать: я – писатель. И вдруг тебе уже 50. И вот свершилось, все кругом тебе поверили. Но именно тех людей, которым мне важно было это доказать – их уже давно нет! Грустно. А с другой стороны, дожить до 50 – это привилегия. Сколько моих сверстников, одноклассников не дожили. Просто к полтиннику становится очевидным: каждый прожитый день – это привилегия. Дни скользят быстрее, но ценишь их больше.

Есть ли у Вас хобби, увлечения, которыми Вы занимаетесь в свободное от литературы время?

Какой приятный вопрос! А то все про смерть, да про Швейцарию! Моя страсть – снукер. Для несведущих – это род бильярда. Прекрасная игра! Спасибо английским офицерам, скучавшим в индийских колониях в середине 19 века! Знали бы вояки, за что именно им будут благодарны потомки!

И, наконец, информация о встречах с писателем:

Цюрих:

5 ноября в 19 часов в галерее Barbarian Art Gallery по адресу: 33 Bleicherweg, Hochhaus zur Palme. Резервация входных билетов - по тел. 078-793-15-51, 078-679-40-50, 076-370-32-63.

Базель:

8 ноября в 19 часов по адресу Engelhofkeller (Nadelberg 4, 4051 Basel). Резервация по тел. 061 267 34 11 (Slavisches Seminar der Universität Basel).

Женева:

9 ноября в 20.30 в здании Женевского университета UNI-BASTIONS. Контакт: Русский кружок в Женеве, 022 379 72 01.

[русская литература](#)

[Михаил Шишкин](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/node/10675>